

ПОНИМАНИЕ ИНВАЛИДНОСТИ В ИНКЛЮЗИВНОМ МУЗЕЕ: СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОИСК КОНСЕНСУСА

Екатерина Долгова, Никита Большаков

Екатерина Долгова, Международная лаборатория исследований социальной интеграции, НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. e.dolgova@hse.ru.

Никита Большаков, Международная лаборатория исследований социальной интеграции, НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. nbolshakov@hse.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10098 «Культурное гражданство и локальная солидарность: опыт социальной инклюзии аудиторией музеев России».

Авторы выражают благодарность всем экспертам за помощь и ценные комментарии, а также коллегам, принявшим участие в обсуждении, в особенности Елене Ярославской-Смирновой, за неоценимый вклад в проведенное исследование. Авторы также признательны анонимным рецензентам журнала Laboratorium за ценные комментарии и предложения, высказанные в процессе подготовки статьи к публикации.

В статье на примере музеев рассматривается проблема конструирования единой объяснительной рамки понимания инвалидности и инклюзии, актуальная в контексте множественности трактовок того, что представляет собой идеальный доступный музей. Для конструирования объяснительной модели анализируется опыт и суждения музейных специалистов и незрячих посетителей об инвалидности и инклюзии. Современный музей, являясь источником авторитетных мнений и коллективного опыта, выступает площадкой, на которой ведется диалог между специалистами и разными группами посетителей, в том числе незрячими и слабовидящими людьми, обладающими уникальными, по сравнению с другими категориями посетителей, запросами к музейной инфраструктуре. В качестве эмпирической базы исследования выступили материалы 19 глубоких полуформализованных интервью с незрячими и слабовидящими посетителями и 11 интервью с музейными специалистами по инклюзии, а также материалы 2 формализованных наблюдений на инклюзивных мероприятиях в музеях.

Как показали результаты исследования, уникальный запрос незрячих посетителей может трансформировать роль музея как агента социокультурной инклюзии. Для кураторов и специалистов по доступности характерны определенные идеальные представления о сборке контекстов инвалидности внутри институций, определяемые во многом в логике концепции *постмузея* как одного из ключевых направлений развития данной сферы. Эти представления встречаются с установками незрячих и слабовидящих людей, сталкиваются с агентностью таких посетителей и

собственным пониманием оптимальных моделей сборки инвалидности как при непосредственном посещении музея, так и за его пределами. Ядром смыслового поля инвалидности в музее с доступной средой является установка, согласно которой незрячие посетители сегодня не хотят чувствовать свою «исклученность», желают двигаться по своей «тропе» в общем для всех посетителей музейном пространстве, и музей должен учитывать уникальные запросы незрячих и слабовидящих посетителей. Все эти факторы заставляют специалистов говорить о возникновении обратных инклюзии процессов и подогревают дискуссию о концептуальной доступности музеев для незрячих посетителей.

Ключевые слова: музей; разнообразие; доступность; инклюзия; инвалидность; модели понимания инвалидности; незрячие посетители; социокультурная адаптация

ВВЕДЕНИЕ

Современный музей является агентом социальных изменений, становясь источником авторитетных мнений и коллективного опыта, связанного с преодолением насущных проблем различных групп (Донина 2014; Жвитиашвили 2020). Согласно недавно разработанному Международным советом музеев (ИКОМ, ICOM)¹ определению, традиционная роль музея, заключающаяся в сохранении и трансляции культурных объектов и ценностей, трансформировалась и теперь во многом подчинена идее социальной справедливости и человеческого достоинства. Новое определение музея опирается на такие ценности, как доступность, инклюзивность, этика, устойчивость. Кроме того, появление (с 2016 года) в российском нормативно-правовом поле² новых правовых актов, запуск государственной программы «Доступная среда» и ратификация конвенции ООН о правах людей с инвалидностью³ делают развитие инклюзии приоритетным направлением в деятельности современных музеев. Роль музейных пространств как гетеротропий (Фуко 2006) сегодня подвергается переосмыслению (Балаш 2018): так, имея значительный культурно-образовательный потенциал, воздействующий на сознание масс, музей призван способствовать положительным изменениям на разных уровнях (Шляхтина 2017). Музеи способны накапливать социальный, культурный и эмоциональный капиталы и имеют высокий потенциал в области успешной реализации инклюзивных практик (Woodham 2009).

Представления об инклюзии в музее междисциплинарны и изменчивы по своей сути, кураторы используют творческие методы работы с людьми с различными формами инвалидности (Cachia 2013), музейное пространство постоянно развивается и трансформируется. При этом повышение доступности музеев явля-

¹ International Council of Museums, "ICOM Approves a New Museum Definition," August 24, 2022, <https://icom.museum/en/news/icom-approves-a-new-museum-definition>.

² См. Приказ Министерства культуры РФ от 9 сентября 2015 г. № 2400 «Об утверждении требований доступности к учреждениям культуры с учетом особых потребностей инвалидов и других маломобильных групп населения», Информационно-правовой портал «Гарант», <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71183280>.

³ См. Конвенцию о правах инвалидов, принятую 13 декабря 2006 г., https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.

ется общим приоритетом для государства (Нгуен 2018), музейного сообщества (Афонин и др. 2019) и отдельных групп общества (Щекочихина 2020), так как оно способствует не только расширению целевой аудитории, но и положительным социальным изменениям в обществе в целом (Abankina et al. 2015).

В то же время существующие в обществе негативные социальные установки в отношении людей с инвалидностью (Романов и Ярская-Смирнова 2010) могут проявлять как штатные музейные сотрудники, так и обычные посетители (Ярская-Смирнова и Большаков 2018). Несмотря на прогресс в создании доступной среды в музеях, посетители с инвалидностью и без таковой продолжают двигаться по разным, обособленным друг от друга траекториям в музейном пространстве (Ярская-Смирнова и Большаков 2020). При создании инклюзивной среды специалисты отталкиваются от социальной концепции инвалидности, в рамках которой инвалидность понимается не как патология, а как социальный конструкт, результат несправедливого устройства общества (Тарасенко 2004; Курленкова 2018), и занимаются вопросами повышения доступности музеев, реализуя принципы универсального дизайна с опорой на базовый принцип «человек прежде всего» (Ярская-Смирнова и Большаков 2018). Множественность подходов, пониманий, взглядов на то, как должен выглядеть идеальный доступный музей, ставит перед исследователями вопрос о возможности конструирования единой объяснительной рамки понимания инвалидности в ходе сборки представлений специалистов и незрячих посетителей об инвалидности и инклюзии. Цель этой статьи – определить, из каких контекстов состоит комплексная модель понимания инвалидности, конструируемая основными агентами музейных институций – экспертами и незрячими посетителями. Для того, чтобы достичь цели, необходимо решить ряд задач: установить, каковы, с экспертной точки зрения, препятствия на пути создания инклюзивной среды; определить, как воспринимают доступную среду в музеях посетители с инвалидностью по зрению; выявить точки соприкосновения и расхождения в представлениях различных агентов о реализации инклюзивных практик, за счет чего возможно конструирование единой модели понимания инвалидности в контексте музея.

МУЗЕЙ КАК АГЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

Одной из наиболее значимых современных музейных теорий является концепция *постмузея*, в основу которой заложена идея изменчивости, а именно создания и передачи новых знаний и опыта, полученных в процессе социального взаимодействия и коммуникации различных сообществ (Балаш 2018). В рамках партиципаторного подхода конструирование музейных пространств подразумевает обращение к индивидуальному опыту посетителей благодаря их активному участию в культурном процессе без контроля со стороны сотрудников институции (Саймон [2010] 2017). Такая практика стихийного взаимодействия посетителей и куратора ведет к формированию особой культуры соучастия, которая способствует приобретению новых социальных ролей, раскрытию разнообразных аспектов идентич-

ности и их критическому осмыслению в процессе совместной деятельности (Лучкова 2020). Таким образом, музей является местом инициации и социализации многообразных сообществ. Во многом это обуславливает особую миссию музея в создании и осуществлении инклюзивных практик и делает музей агентом социальной инклюзии (Шляхтина 2017). При этом при создании инклюзивно дружественной среды некоторые специалисты обращаются к концепции двуединого подхода (*twin-track approach*), согласно которой проводимые инклюзивные мероприятия могут как включать посетителей без инвалидности, так и исключать их (Ярская-Смирнова и Большаков 2018).

За последние 10 лет развитие музейной сферы в направлении разработки методических пособий с рекомендациями по работе с различными категориями посетителей было достаточно стремительным – от передачи отдельных, наиболее успешных практик до систематизации опыта и институционализации этой сферы, что свидетельствует о становлении музейной инклюзии (Ярская-Смирнова и Большаков 2020). Несмотря на то, что инклюзивные практики реализуются в музее достаточно успешно, значительная часть музейных специалистов считает занятие инклюзией непрофильным, так как требования инклюзии, например, выраженные в форме различных директив и указов, воспринимаются как угроза институциональной автономии музея (Агапова 2020).

В пространстве музея базовое понимание инклюзивной культуры построено на соответствии пяти ее компонентам: признание ценности участия людей с инвалидностью в деятельности культурных институций (принцип «ничего о нас без нас»), создание инклюзивных условий и преодоление существующих барьеров, исключение дискриминации людей с инвалидностью, уважение прав и достоинства людей с инвалидностью (Афонин и др. 2019:32). Тем не менее в каждой культурной институции феномен инклюзии определяется по-своему (Щекочихина 2020), о чем также свидетельствует внушительное количество методических пособий по музейной инклюзии. Анализируя их, можно сделать вывод о том, что при реализации инклюзивных практик у профессионалов нет консенсуса относительно понимания инвалидности (Ярская-Смирнова и Большаков 2020).

Несмотря на изменения последних лет, поход в музей для посетителей с инвалидностью, в том числе незрячих и слабовидящих людей, не всегда соответствует их ожиданиям, что затрудняет их социокультурную адаптацию в музейном пространстве (Vaz, Freitas, and Coelho 2020). У данной категории посетителей возникают в основном проблемы, связанные с доступностью физической среды, которая рассчитана преимущественно на зрительное восприятие. Это значительно затрудняет их ориентацию в музеях. Кроме того, из-за запрета на тактильное взаимодействие с музейными экспонатами («руками экспонаты не трогать») (Ваньшин и Ваньшина 2013) незрячие и слабовидящие посетители с трудом могут их интерпретировать в отсутствие тактильных копий. Чтобы решить эту проблему, музеи, действуя в логике расширения доступности, обращаются к инструментам адаптации экспозиции, стараются привлекать вспомогательные технологии, используются физические и виртуальные копии экспонатов и оригинальные объекты, предназначенные для тактильного взаимодействия;

интерактивные, реагирующие на жесты, дополненные звуками и запахами, тактильные рельефные копии; планшеты и смартфоны с цифровой доступностью; электронные лупы, обеспечивающие необходимое масштабирование, а также иные средства вспомогательной навигации для самостоятельных экскурсий (Афонин и др. 2019; Vaz et al. 2020). Особая роль в обеспечении тактильной доступности отводится этикеткам с текстом, набранным шрифтом Брайля, тактильным изображениям, которыми оснащается пространство экспозиции (Афонин и др. 2019). Еще одним необходимым условием для успешной адаптации музейной среды под потребности незрячих посетителей является тифлокомментирование – словесное описание исследуемых экспонатов, в ряде случаев – предоставление тифлоаудиогида (Новоторцева 2018).

Принципы работы музейных специалистов с той частью аудитории, которую составляют посетители с инвалидностью, необходимо рассматривать в контексте идеи о множественной природе понимания инвалидности. Среди существующих в обществе моделей восприятия инвалидности наиболее авторитетной является посттрадиционная социальная модель понимания инвалидности, которая противопоставляется медицинской, или индивидуальной, модели понимания инвалидности (Oliver 1996). Модели понимания инвалидности представляют собой определенные способы объяснения, идеологии, которые воплощаются в распространенных убеждениях, нормах и практиках (Ярская-Смирнова и Большаков 2018). Стоит заметить, что любая модель клиширована, имеет как сильные, так и слабые стороны, а благодаря теоретическому многообразию модели восполняют недостатки и дополняют друг друга. Тем не менее рассмотрение медицинской и социальной концепций объяснения инвалидности является определяющим шагом для обозначения подходов, которыми руководствуются эксперты при создании инклюзивных программ музеев. Традиционная медицинская модель понимания инвалидности на протяжении долгого времени была преобладающей и имела претензию на обоснованность и гуманность (Тарасенко 2004). В ее основе лежит убеждение, что инвалидность – это патология и дисфункция, при этом особый акцент делается на диагноз человека, его некомпетентность и неспособность жить и осуществлять какую-либо деятельность самостоятельно. Эта модель, определяемая биологичностью увечья и необходимостью патерналистской заботы (Курленкова 2018), закреплена в различных нормативно-правовых актах. Так, Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»⁴ гласит, что статус инвалида присваивается индивиду по результатам медико-социальной экспертизы.

Оспаривая эту модель, сторонники конструктивистского понимания инвалидности апеллируют к тому, что она рассматривает исключительно индивидуальные психологические и физические основы получения инвалидности, игнорируя социальные факторы. Тем самым, по мнению критиков, эта модель способствует стигматизации людей с ограниченными возможностями здоровья (Barnes 1991). Подобная стигматизация может быть вызвана в том числе тем, что

⁴ См. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ», https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559.

в обсуждаемой концепции подчеркивается: человек с инвалидностью обязательно подлежит лечению медицинскими средствами, в особых случаях – в специализированных местах (Oliver and Barnes 1993). Феномен инвалидности в логике социальной модели анализируется в контексте ситуации, взаимодействия таким образом, что можно отследить формирование представлений, стереотипов об инвалидности в динамике, а не в статичном состоянии. Так, какой-либо ярлык или знание об инвалидности могут сформироваться в определенной социальной группе в соответствии с тем, что в данном окружении следует считать отклонением от нормы, однако это знание об инвалидности поддается трансформации при смене социальной и ценностной политики (Ярская-Смирнова 1999). Иными словами, феномен инвалидности в данной концепции не приписывается к телу человека как *увечье* (impairment), а производится в общественном сознании, социальных практиках и институтах и понимается как *социальное исключение* (disability) (Курленкова 2018).

Социальная модель в свою очередь была подвергнута критике за игнорирование телесности: процессы, происходящие с телом, остались в ведении медицины. Так, в рамках социальных исследований инвалидности сравнительно недавно появилось направление критической теории инвалидности, которая представляет собой набор различных междисциплинарных подходов, рассматривающих инвалидность как культурный, политический и социальный феномен – в комплексном понимании термина (Hall 2019). Социальная концепция инвалидности, по мнению представителей критической теории, является формой *перспективизма*, то есть формой мышления, которому свойственно рассмотрение объекта (инвалидности) с точки зрения разных перспектив и мнений (музейных специалистов, посетителей с инвалидностью и их сопровождающих), так как не проблематизирует тело, а занимается исследованием позиций наблюдателей относительно феномена инвалидности (Курленкова 2018), поэтому, на наш взгляд, она считается наиболее релевантной точкой отсчета, когда речь идет о музее. В качестве компромисса была предложена модель множественной онтологии Аннамари Мол, в которой постулируется материальность тела только в контексте конкретной ситуации: феномен тела возникает в момент определенных дискурсивных или иных практик. В данной логике условием появления инвалидности является присутствие соответствующих ей атрибутов (например, пандус, тифлокомментарий, тактильные изображения) (Курленкова 2018).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование было реализовано с применением метода полуструктурированного интервью. Кроме того, для поиска более глубинных контекстов смыслового поля инвалидности в музее было использовано структурированное формализованное наблюдение на инклюзивных мероприятиях в музеях для незрячих и слабовидящих людей.

Гайд интервью содержал такие тематические блоки, как опыт посещения инклюзивных программ музеев и опыт инвалидности в целом, представления об ин-

валидности в музейном пространстве, идеальный инклюзивный музей и др. Формулировки вопросов были несколько упрощены, чтобы их легче было воспринимать на слух – это было сделано ввиду особенностей коммуникации незрячих людей в отсутствие невербального контакта (Кемп 1981). Всего было проведено 30 полуструктурированных интервью продолжительностью от 30 минут до 3 часов в онлайн- и очном форматах. Средняя продолжительность интервью составила 1,5 часа. Из них 11 интервью носили экспертный характер и были взяты у сотрудников музеев, 17 составили интервью с незрячими посетителями, 2 – со слабовидящими посетителями, все участники с инвалидностью были посетителями инклюзивных программ музеев Москвы и Санкт-Петербурга в возрасте от 19 лет до 51 года. Основными признаками принадлежности к целевой группе являются наличие инвалидности по зрению и факт посещения инклюзивных программ музеев хотя бы раз в год. Исследуемые формы инвалидности по зрению: незрячие – посетители с тотальным отсутствием зрения или с остаточным зрением; слабовидящие – посетители с пониженной в той или иной степени остротой зрения (Любимова 2018). При этом в исследовании формулировки «незрячие люди», «слабовидящие люди» используются наряду с «люди с инвалидностью по зрению». В нашем понимании и в русскоязычном академическом дискурсе это тождественные понятия, не противоречащие инклюзивным нормам в рамках социальной концепции инвалидности. Взятые интервью были проанализированы с помощью программы ATLAS.ti в соответствии с индуктивной стратегией анализа, при этом последовательно были выполнены этапы открытого, осевого и избирательного кодирования данных.

Поиск информантов – незрячих и слабовидящих посетителей инклюзивных музейных программ – осуществлялся с несколькими точками входа. Во-первых, с помощью личных сообщений и публикаций в тематических сообществах в таких социальных сетях, как WhatsApp и Telegram. Именно в данных социальных сетях соответствующие тематические сообщества с большим количеством участников наиболее многочисленны. Во-вторых, поиск информантов происходил через кураторов инклюзивных программ и специалистов по тифлокомментированию. Дополнительно был применен метод снежного кома – поиск информантов происходил также непосредственно через самих незрячих и слабовидящих посетителей.

Важно отметить, что информанты принимали участие в исследовании полностью на добровольной основе. Перед интервью наши собеседники были осведомлены о цели исследования, а также о конфиденциальности полученных ответов и их использовании в обобщенном виде в рамках исследовательского проекта. В связи со спецификой выборки во время интервью с посетителями с инвалидностью по зрению были соблюдены нормы этики общения с незрячими людьми⁵.

При общении с музейными специалистами было важно взять интервью у кураторов инклюзивного направления не только государственных, но и частных (в том числе малых) музеев. Сегодня инклюзивные программы существуют в боль-

⁵ См. рекомендации РООИ «Перспектива» на официальном сайте в разделе «Культура общения с людьми с инвалидностью. Язык и этикет», просмотрено 28 февраля 2023 г., <https://perspektiva-inva.ru/language-etiquette>.

шинстве ведущих музеев – сотрудники данных институций вошли в выборку⁶. Одной из ведущих культурных институций, где активно создают и совершенствуют инклюзивную культуру, является музей «Гараж», где в 2015 году был создан первый в России инклюзивный музейный отдел⁷. Вслед за ним свой вклад в популяризацию инклюзии внесли и продолжают работать с этой темой и другие музеи: Государственный исторический музей⁸, Музей русского импрессионизма⁹ (с его уникальным опытом применения запахов в экспозиции), Государственная Третьяковская галерея¹⁰, Политехнический музей (Шенгелия 2019), где функционирует Совет по доступности¹¹, Фонд V–A–C (Алешин и Ильченко 2020), Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и др. Выбор перечисленных учреждений был обоснован имеющимся у них опытом проведения успешных инклюзивных программ за последние 10 лет.

Основное ограничение исследования состоит в том, что результаты, полученные в ходе полуформализованных интервью с незрячими и слабовидящими посетителями, отражают опыт только тех, кто уже посещает инклюзивные программы в музеях. Тогда как те люди с инвалидностью по зрению, кто редко посещает музеи и имеет небольшой опыт участия в инклюзивных практиках, остаются вне рамок анализа. Кроме того, представленная статья основана на результатах исследования, ограниченного Москвой и Санкт-Петербургом, поэтому полученное понимание инвалидности различными агентами может не отражать тех особенностей, которые характерны для региональных инклюзивных музеев.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ ОБ ИНКЛЮЗИИ И ИНВАЛИДНОСТИ В МУЗЕЕ

Как было отмечено выше, музейные гетеротропии составляют особую социальную реальность (Фуко 2006), которая создает условия формирования неожиданных, а порой и вовсе противоречивых запросов к музею. Одновременно с этим прошед-

⁶ В процессе анализа музеев, в которых проводились интервью, были присвоены номера с целью анонимизации информантов.

⁷ См. материал об открытии отдела инклюзивных программ на сайте музея: Музей современного искусства «Гараж», «Открытие первого в России отдела инклюзивных программ», 29 сентября 2015 г., <https://garagemca.org/ru/news/2015-09-29-garage-has-launched-the-department-of-inclusive-programs>.

⁸ См. заметку о выставке в Государственном историческом музее: Всероссийское общество глухих, «Трогательная история в Историческом музее», 3 октября 2019 г., <https://voginfo.ru/vog/2019/10/03/trogatelnaya-istoriya-v-istoricheskom-muzee>.

⁹ См. публикацию на сайте музея: Музей русского импрессионизма, «Музей стал финалистом проекта “Инклюзивный музей”», 4 марта 2021 г., <https://www.rusimp.su/ru/news/180>.

¹⁰ См. публикацию на сайте музея: Государственная Третьяковская галерея, «Экскурсии для слабовидящих и незрячих посетителей по выставке “Мечты о свободе. Романтизм в России и Германии”», 7 июля 2021 г., <https://www.tretyakovgallery.ru/events/o/ekskursii-dlya-slabovidyashchikh-i-nezryachikh-posetiteley-po-vystavke-mechty-o-svobode-romantizm-v->.

¹¹ См. о Совете по доступности на сайте Политехнического музея: <https://polymus.ru/museum/accessibility>, просмотрено 20 декабря 2022 г.

шие типизацию и легитимизацию конструкты оказываются интегрированы в единое смысловое поле инвалидности в музейном пространстве, составленное из отдельных представлений незрячих посетителей и работающих с ними музейных специалистов.

Незрячие информанты указывают, что инвалидность – это данность, естественный атрибут человека, а слепоту невозможно окончательно «исправить» или «вылечить», поэтому незрячие люди, которые посещают музеи, так или иначе адаптировались, и если не принимают инвалидность до конца, то не хотят, чтобы на этом делали особый акцент – тем более в музее. Музей выступает в качестве «третьего места», где они не будут подвергнуты стигматизации так, как в других сферах жизни, и на время могут почувствовать себя полноценными участниками процесса без упоминания «недостатков» их тела (Курленкова 2018).

Ну, вот, допустим, я слепая последние 20 лет. [. . .] Ты и так прешься в магазин, в поликлинику, и тебя там постоянно тыкают носом, но ты к этому готов. А когда ты выбираешь музей как досуг, и тебе там тоже хотят это донести, то это вдвойне больнее (незрячая женщина, 42 года).

Специалисты из числа сотрудников музеев, ответственных за инклюзию, сходятся во мнении, что инвалидности в ее медицинском понимании для них не существует, и если «общество может убрать [. . .] барьер, тогда инвалидность себя не обнаружит» (из интервью с куратором инклюзивных программ музея 5). Они вынуждены апеллировать к медицинским трактовкам в ходе общественных обсуждений, ссылаясь на действующие нормативные документы, однако в повседневных практиках при разработке инклюзивных программ специалисты склонны интерпретировать инвалидность с точки зрения особенностей восприятия (которые могут быть не только у человека с инвалидностью) посетителей, отмечая, что для них «важнее задать условия для комфортного пребывания и абсолютно неважно, какая инвалидность» (из интервью с куратором инклюзивных программ музея 1). По мнению специалистов, в музейном пространстве необходимо избегать каких-либо ярлыков в отношении посетителей с инвалидностью, учитывая, что музей – это место, куда они приходят отдыхать, а не государственное специализированное учреждение, где неизбежно будет сделан акцент на диагнозе (как, например, в поликлинике). Сами незрячие посетители также мечтают о музее, в который им ничто «не мешает без дополнительного предупреждения, просто гуляя по центру, зайти» (из интервью с незрячим мужчиной, 19 лет).

На практике музеи далеко не всегда в полной мере отвечают этим запросам и создают условия, дополнительно стигматизирующие посетителей с инвалидностью за счет существующих нормативно-правовых актов, в которых инвалидность рассматривается в рамках административной модели как юридический статус человека. На это обращают внимание как сами незрячие посетители, когда их просят предъявить справку об инвалидности перед посещением, чтобы получить скидку, так и сотрудники музеев, которые вынуждены подчиняться стигматизирующим предписаниям. Например, один из наших информантов, сотрудник музея, рассказал, что посещение их музея незрячими людьми возможно только в группе с дру-

гими незрячими (из интервью с куратором инклюзивных программ музея 1). Против таких правил выступают сами незрячие информанты: «Мне очень не нравится, когда они требуют по количеству людей с особенностями и по количеству сопровождающих четко, то есть ты не можешь взять и прийти один» (незрячая женщина, 24 года).

В нарративах незрячих посетителей слепота предстает как особенность, которая дает им возможность выделиться, быть полезным музейному сообществу в обсуждении создания условий для комфортного посещения и в противостоянии патерналистскому отношению, которое они сами определяют как навязанное. Незрячие люди выступают экспертами при подготовке инклюзивных мероприятий. Примером такой инициативы может быть Совет по доступности Политехнического музея, в котором состоит одна из наших информанток. Незрячие люди не хотят чувствовать свою «исключительность» и «исключенность» из аудитории музея, демонстрируют готовность интегрироваться в общество зрячих и людей с другими формами инвалидности.

В то же время понимание инклюзии в музейном пространстве лишено единообразия как среди незрячих посетителей, так и среди сотрудников музеев. Так, по мнению незрячих посетителей, инклюзия – это не создание специальных программ для людей с инвалидностью или «инвалидских проектов», как назвала их одна из информанток. В их восприятии инклюзии можно обнаружить стремление к взаимодействию с посетителями с различными формами инвалидности или без таковой вовсе. Настоящий «инклюзивный музей подразумевает, что в него может прийти любой человек – от бездомного до трудного подростка, который не представляет, что такое классическая культура» (незрячая женщина, 24 года). Задача такого музея – сделать не только доступным пространство музея, но и обеспечить возможность взаимодействия с разными категориями посетителей, чтобы незрячий человек не чувствовал себя при этом исключенным из музейного пространства. Равный доступ подразумевает не столько взаимодействие, сколько пребывание вместе, на одной площадке, а не в изолированном помещении: «...если что-то уже на основе действующей выставки создается специально для незрячих посетителей, то это уже лишнее, совершенно другое мероприятие и к экспозиции не имеет отношения» (незрячая женщина, 35 лет).

В целом незрячие люди отдают предпочтение тем или иным музеям, ориентируясь на возможность «получения нового чувственного опыта, новых каких-то тактильных ощущений» (незрячая женщина, 22 года). Тактильное восприятие при изучении копий объектов экспозиций играет важную роль при формировании ощущений, однако зачастую оказывается недоступно в местах, где возможности получения такого опыта и изучения пространства ограничены (недоступных музеях и иных местах). При запрете на тактильное взаимодействие используется тифлокомментарий – лаконичное и в то же время подробное описание объектов, служащее альтернативой визуальному восприятию (Новоторцева 2018).

В теории музей представляет безопасное физическое и символическое пространство (Науное 2017), однако незрячие посетители указывают и на негативный опыт при посещении музеев, сравнивая его с «войной» и «борьбой за свои пра-

ва» – как наша информантка, для которой главным признаком инклюзии является наличие обратной связи от кураторов и желание ее предоставить.

Почему я постоянно должна везде воевать? И ты не знаешь, что с этим делать. Я поняла, что я теперь мягко и аккуратно буду людей ставить на место, просто делать это именно мягко, иначе инклюзии не будет. Я написала, но она [кураторка] ничего не ответила. Больше я туда не пойду (незрячая женщина, 42 года).

Музеи, которые позиционируют себя как инклюзивные, на практике не всегда оказываются таковыми. В то же время, по мнению незрячих посетителей, нередки и обратные случаи, когда кураторы используют творческие методы (Cachia 2013) и нецеленаправленно разрабатывают инклюзивные мероприятия для незрячих, не позиционируя их именно так. В частности, информанты говорят о том, что успешный опыт создания инклюзивных экскурсий есть у небольших и региональных музеев, в которых инклюзия исходит «изнутри» – не по указу сверху, а по желанию самих сотрудников сделать музей доступным для различных категорий посетителей. При отсутствии вспомогательных технологий сотрудники таких музеев разрешают посетителям тактильно взаимодействовать с объектами экспозиции, учитывают необходимость дополнительных комментариев для незрячих, что позволяет составить наиболее полный визуальный образ экспоната. К числу таких музеев информанты преимущественно относят музеи-квартиры и историко-бытовые музеи: «[Они] не заявляют о своей доступности, но там может попасться классный гид, который проникнется и передаст, подаст свою историю. Во многом идут навстречу, чтобы что-то дать пощупать. Ты просто идешь наудачу» (незрячий мужчина, 31 год).

Следовательно, чуткое отношение со стороны музейных сотрудников, их стремление помочь может если не заменить, то нивелировать отсутствие инклюзии в музее. Например, наша информантка говорит о том, что в музее смотритель, несмотря на формальные правила, разрешил ей прикоснуться к экспонатам, и она «потрогала пушку, посмотрела ядро, посмотрела ружье. . .» (незрячая женщина, 22 года). Это сделало опыт посещения гораздо богаче. Как говорят сами информанты и специалисты, в небольших региональных музеях у сотрудников больше возможностей не подчиняться установленному на макроуровне регламенту о требованиях к проведению экскурсий для незрячих людей, что при желании позволяет им неожиданно и смело подходить к созданию комфортной для всех музейной среды.

Посетители с инвалидностью по зрению, имевшие в прошлом негативный и травматичный опыт посещения музея, не готовы повторять его. Такая травма формирует негативные эмоциональные и культурные ожидания. Чтобы решить эту проблему, музеи при разработке экспозиций используют вспомогательные технологии в соответствии с принципами универсального дизайна: точные и виртуальные копии экспонатов и самостоятельные объекты, оборудованные для тактильного взаимодействия; интерактивные, реагирующие на жесты, дополненные звуками и запахами тактильные рельефные копии; планшеты и смарт-

фоны; электронную лупу, обеспечивающую необходимое масштабирование, а также другую вспомогательную навигацию для самостоятельных экскурсий (Афонин и др. 2019; Vaz et al. 2020).

Незрячие посетители говорят, что аудиальные и тактильные технологии обязательны, а их наличие в комплексном взаимодействии – это «космический идеал» (из интервью с незрячим мужчиной, 23 года). Важно учитывать, что тактильное взаимодействие без тифлокомментирования не имеет ценности, особенно при осмотре тактильных картин, когда нужно, чтобы «пальцем ткнули» (из интервью с незрячей женщиной, 42 года). К тактильным макетам предъявляются высокие требования по качеству материалов: «Хороших тактильных копий всегда хочется максимально много. Желательно все, о чем рассказывают. Чтобы все эти копии были и можно их было ощутить. Без аудио они неинформативны» (незрячий мужчина, 31 год). При этом взаимодействие с тактильными макетами¹² не предполагает изучение экспоната в одиночку: во время наблюдения незрячие посетители просили сопровождающих дополнительно прокомментировать те детали, о которых не упомянул экскурсовод. Поэтому трудность восприятия тактильных технологий, в частности тактильных копий картин, без тифлокомментирования может объясняться несоблюдением правил взаимодействия с ними.

Патерналистское отношение музейных сотрудников к незрячим посетителям, в том числе в музеях, которые позиционируют себя как «инклюзивные», может оставить неприятные впечатления о музее и привести к отказу от их дальнейшего посещения. Наши информанты делились многочисленными историями, когда музеи, которые «кичились проделанной работой», на деле, по выражению информантки, «к инвалидам относятся, как к дебилам», и это, разумеется, вызывает у посетителей соответствующую реакцию: «либо встать и убежать, рыдая, либо сделать им кучу гадостей в ответ» (незрячая женщина, 42 года). Особенно это актуально в связи с тем, что каждый выход из дома для незрячего человека становится важным событием, сопряженным с определенными трудностями, поэтому первое впечатление от посещения музея является основополагающим. Таким образом, определяющим шагом на пути к инклюзии становится работа с персоналом и волонтерами музея для повышения их инклюзивной культуры, ведь именно в ходе социального взаимодействия происходит конструирование не только опыта незрячих посетителей, но и инклюзивных практик в целом.

Кроме того, среди самих незрячих людей распространено представление о том, что инклюзия – насаждаемая извне ценность, причем, как правило, мотивированная корыстными соображениями «отмыwania бабок» (из интервью с незрячей женщиной, 42 года), «коммерческой выгоды» или «чиновничьей отчетности» (из интервью со слабовидящим мужчиной, 34 года). И об этом говорят не только незрячие посетители, но и специалисты, которые разрабатывают и реализуют инклюзивные практики. Установки инклюзивной культуры, которые подразумевают

¹² По результатам наблюдения, которое проводилось в рамках инклюзивной экскурсии для незрячих в Покровском соборе (Государственный исторический музей, Москва). Отметим, что продолжительность наблюдения была ограничена полуторачасовой длительностью инклюзивного мероприятия в Покровском соборе.

соответствие пяти ее основным компонентам (Афонин и др. 2019), сталкиваются с противоречащими им нормами инклюзивной политики, что еще больше затрудняет реализацию инклюзивной культуры на практике. Так, например, принцип инклюзивной культуры «ничего о нас без нас» не имеет юридически оформленного подтверждения на уровне политики, поэтому участие людей с инвалидностью в апробации, совместном создании инклюзивных мероприятий целиком и полностью зависит от решения эксперта, который реализует инклюзивные проекты: «Правильно привлекать людей с инвалидностью к разработке. Еще мне кажется важным, что музеи должны заниматься презентацией инвалидности, но это уже следующая ступень, к которой мы идем» (куратор инклюзивных программ музея 1).

Таким образом, имеющиеся структурные противоречия в теории приводят на практике к тому, что использование понятия «инклюзия» воспринимается как формальное требование, которое не подразумевает точного следования установкам инклюзивной культуры, соблюдения прав людей с инвалидностью, закрепленных в конвенции ООН. Если рассматривать инклюзию в более широком контексте как создание условий для безбарьерного межкультурного взаимодействия, открытости к культурному разнообразию, то можно говорить о еще большем отрыве от реализуемых практик.

По мнению специалистов, следующим этапом развития инклюзии станет смешение посетителей с инвалидностью и без таковой, однако совместные инклюзивные мероприятия должны быть тщательно продуманы, а их участники – подготовлены. Прежде всего инклюзия как равенство доступа должна предполагать совместное пребывание людей с инвалидностью с другими категориями посетителей в одном музейном пространстве, но для их взаимодействия необходима предварительная подготовка. Проведение таких совместных мероприятий в настоящий момент еще вызывает трудности. Как отмечает эксперт: «из того, что я вижу сейчас, из того, что делают музеи, и из того, что в том числе сделала я, – мы пока не делаем инклюзивные мероприятия» (сотрудник инклюзивного отдела музея 3). Музей будущего – это пространство взаимного обмена, невозможное без принятия инклюзивных ценностей *всеми* участниками процесса.

Инклюзия – это не только про инвалидность. Это sharing. Поэтому я за инклюзию как подход, как принятие того, что люди с инвалидностью и без должны иметь равный доступ, но не за насильное смешение. [. . .] Я надеюсь, что музей будет представлять не только незрячим искусство, но и искусство незрячих (куратор инклюзивных программ музея 1).

Отсутствие условий для взаимодействия различных категорий посетителей не отменяет того, что незрячая аудитория не хочет посещать музеи изолированно от остальных. Незрячие люди хотят двигаться по выделенной для них «тропе» в общем для всех музейном пространстве, представляющем собой «поле боя», на котором пытаются найти компромисс различные категории посетителей. Причем различные не только по форме инвалидности, но и по отношению к своей и чужой инвалидности и слепоте, интерпретируемым в логике гетерогенности сообщества.

Желание информантов посещать музеи наравне со всеми категориями посетителей вступает в противоречие с транслируемым некоторыми незрячими людьми запросом на создание специальных условий. При этом ориентация на специфический запрос предполагает прежде всего трансформацию физической среды и услуг, но так, чтобы реализуемые под запросы незрячих людей инклюзивные практики были доступны всем. Так, говоря о доступности экспонатов, тактильных копий, незрячие посетители отмечают, что они также могут быть доступны «не только для незрячих, но и для зрячих» (незрячий мужчина, 19 лет). Это только повышает доступность музея, что является одним из аспектов инклюзивной культуры, не регламентированном на макроуровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что музейная инклюзия основана на универсальных принципах, которые диктует инклюзивная политика, несмотря на методические инструкции и нормативно-правовое регулирование в данной области, на уровне институций нет консенсуса относительно понимания инвалидности при реализации инклюзивных практик. Для кураторов и специалистов по доступности характерны определенные идеальные представления о сборке контекстов инвалидности внутри институций, определяемые во многом в логике концепции *постмузея* как одного из ключевых направлений развития данной сферы. Эти представления встречаются с установками посетителей с инвалидностью (в рамках данного исследования – незрячих и слабовидящих посетителей) и сталкиваются с их агентностью и собственным пониманием оптимальных моделей сборки инвалидности как при непосредственном посещении музея, так и за пределами его стен – при выходе на улицу, при взаимодействии и коммуникации с другими людьми. Одновременно с этим взгляды экспертов и мнения незрячих посетителей, формируя некоторые гибридные формы понимания инвалидности в музее, сталкиваются с нормативно-правовой повесткой в этой области, что не позволяет прийти к консенсусу относительно определения инвалидности и инклюзивных практик. Процесс локальной и ситуативной сборки взглядов на инвалидность и воплощение инклюзивных норм, укорененный в пространственно-временных отношениях, осуществляется в рамках взаимодействий между инфраструктурой музея, подходами кураторов к инвалидности и инклюзии, а также опытом посетителей в контексте того, как воспринимается и рассматривается инвалидность в обществе в целом.

Вынужденное существование гибридной – интегрирующей разные взгляды и запросы – модели понимания инвалидности в музейном контексте не приводит, однако, к возникновению конфликтов за счет того, что и эксперты, и посетители придерживаются общего взгляда на инвалидность как на социальный конструкт. Это означает, что ключевым понятием смыслового поля инвалидности в музее является не диагноз, а *особенности восприятия* и запросы каждой категории посетителей при адаптации музейной экспозиции, заточенной на создание комфортных условий и равный доступ к ней всех посетителей. Как и определяют актуальные на Западе и в России подходы к инвалидности, ядром смыслового поля инвалид-

ности в музее с доступной средой является установка на то, что незрячие посетители сегодня не хотят чувствовать свою «исключенность» и хотят двигаться по своей «тропе» в общем для всех посетителей музейном пространстве. В то же время результаты исследования демонстрируют ограниченность традиционных теоретических подходов к определению инклюзии: при наблюдаемом столкновении взглядов акторов идеальный музей вынужден учитывать в том числе уникальные запросы незрячих и слабовидящих посетителей и подстраиваться под них. Это заставляет экспертов говорить о соответствующем возникновении эксклюзии и подогревает дискуссию о доступности музеев для незрячих посетителей, а также перспективах концептуального определения музейной инклюзии, в том числе в рамках междисциплинарного направления *disability studies*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапова, Дарья. 2020. «Музей как агент многообразия: трансформирующие практики соучастия и инклюзии». С. 21–26 в *Миграции: приоткрывая личное. Сборник музейных практик и рекомендаций по работе с темами миграции, мобильности и многообразия*, под ред. Ольги Синицыной и Динары Халиковой. М.: ИКОМ России.
- Алешин, Ярослав и Анна Ильченко, ред. 2020. *Общее целое*. М.: V–A–C Press.
- Афонин, Андрей, Юлия Галагузова, Владислав Колесников и Карина Чупина. 2019. *Организация инклюзивной среды в учреждениях культуры*. Екатеринбург: INKultur.
- Балаш, Александра. 2018. «Музей как другое пространство культуры». *Музей-памятник-наследие* 3(1):12–22.
- Ваньшин, Сергей и Ольга Ваньшина. 2013. *Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами: Методическое пособие*. М.: ГДМ.
- Донина, Ирина. 2014. «Музей в социокультурной адаптации инвалидов». Диссертация кандидата культурологии, кафедра музейного и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург.
- Жвиташвили, Нана. 2020. «(Меж)культурные компетенции в музейной сфере: приглашение к профессиональной и персональной рефлексии». С. 28–38 в *Миграции: приоткрывая личное. Сборник музейных практик и рекомендаций по работе с темами миграции, мобильности и многообразия*, под ред. Ольги Синицыной и Динары Халиковой. М.: ИКОМ России.
- Курленкова, Александра. 2018. «Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации». С. 24–42 в *Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики*, под ред. Александры Курленковой и Елены Носенко-Штейн. М.: ООО «Издательство МБА».
- Лучкова, Людмила. 2020. «Переосмысляя роль глухого в арт-институции: опыт Музея современного искусства “Гараж”». *The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры* 1:148–161. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.010>.
- Любимова, Марта. 2018. «Восприятие слабовидящими и незрячими посетителями музейных экспонатов». С. 50–57 в *Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители*, под ред. Марии Сарычевой. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- Нгуен, Линь. 2018. «Нормативно-правовые акты: обзор действующего российского законодательства в области предоставления услуг людям с инвалидностью». С. 22–34 в *Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители*, под ред. Марии Сарычевой. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- Новоторцева, Галина. 2018. «Адаптация экспозиции: тактильные материалы и аудиогиды». С. 58–70 в *Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители*, под ред. Марии Сарычевой. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- Романов, Павел и Елена Ярская-Смирнова. 2010. «Инвалиды и общество: двадцать лет спустя». *Социологические исследования* 9:50–58.

- Саймон, Нина. [2010] 2017. *Партиципаторный музей*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тарасенко, Елена. 2004. «Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России». *Журнал исследований социальной политики* 2(1):7–28.
- Фуко, Мишель. 2006. «Другие пространства». С. 191–204 в *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис.
- Шенгелия, Вера. 2019. «Инклюзивный музей: 7 историй. Интервью с ведущими экспертами по доступной среде». Политехнический музей. <https://polytech.bm.digital/exhibition/816356958465974324/inklyuzivnyj-muzej-7-istorij>.
- Шляхтина, Людмила. 2017. «Социальная миссия современного музея». С. 3–9 в *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 9–12 октября 2017 г.)*, под ред. Владимира Ламина, Ольги Шелегиной и Галины Запорожченко. Новосибирск: Институт истории СО РАН.
- Щекочихина, Мария. 2020. «Понимание и реализация инклюзии в российских музеях». *The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры* 1:98–123. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008>.
- Ярская-Смирнова, Елена. 1999. «Социальное конструирование инвалидности». *Социологические исследования* 4:38–45.
- Ярская-Смирнова, Елена и Никита Большаков. 2018. «Модели понимания инвалидности». С. 11–21 в *Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители*, под ред. Марии Сарычевой. М.: Музей современного искусства «Гараж».
- Ярская-Смирнова, Елена и Никита Большаков. 2020. «Формирование инклюзивной культуры музея: обзор русскоязычных методических пособий». *The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры* 1:317–330. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.018>.
- Abankina Tatyana V., Pavel V. Derkachev, Ludmila M. Filatova, and Irina V. Scherbakova. 2015. "Aspects of Increasing Accessibility of Russian Museums and Evaluation of Attendance." HSE Working papers WP BRP 43/MAN/2015, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Barnes, Colin. 1991. *Disabled People in Britain and Discrimination: A Case for Anti-discrimination Legislation*. London: Hurst Co.
- Cachia, Amanda. 2013. "'Disabling' the Museum: Curator as Infrastructural Activist." *Journal of Visual Art Practice* 12(3):257–289. <https://doi.org/10.1080/14702029.2013.10820082>.
- Hall, Melinda C. 2019. "Critical Disability Theory." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/disability-critical/>.
- Hayhoe, Simon. 2017. *Blind Visitor Experiences at Art Museums*. London: Rowman & Littlefield.
- Kemp, Nigel J. 1981. "Social Psychological Aspects of Blindness: A Review." *Current Psychological Reviews* 1(1):69–89. <https://doi.org/10.1007/BF02979255>.
- Oliver, Michael. 1996. *Understanding Disability: From Theory to Practice*. Basingstoke, UK: Macmillan.
- Oliver, Michael, and Colin Barnes. 1993. "Discrimination, Disability and Welfare: From Needs to Right." Pp. 267–277 in *Disabling Barriers, Enabling Environments*, edited by John Swain, Vic Finkelstein, Sally French, and Michael Oliver. London: Sage.
- Vaz, Roberto, Diamantino Freitas, and Antonio Coelho. 2020. "Blind and Visually Impaired Visitors' Experiences in Museums: Increasing Accessibility through Assistive Technologies." *International Journal of the Inclusive Museum* 13(2):57–80. <https://doi.org/10.18848/1835-2014/CGP/v13i02/57-80>.
- Woodham, Anna. 2009. "Museums Visiting and Social Inclusion: The Geography of School Visits to Museums." PhD dissertation, Museum Studies, University of Leicester.

UNDERSTANDING DISABILITY IN AN INCLUSIVE MUSEUM: SYSTEMIC CONTRADICTIONS AND THE SEARCH FOR CONSENSUS

Ekaterina Dolgova, Nikita Bolshakov

Ekaterina Dolgova, International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics. Address for correspondence: HSE University, Miasnitskaia ul., 20, Moscow, 101000, Russia. e.dolgova@hse.ru.

Nikita Bolshakov, International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics. Address for correspondence: HSE University, Miasnitskaia ul., 20, Moscow, 101000, Russia. nbolshakov@hse.ru.

The research for this article was carried out with support of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-78-10098 "Cultural Citizenship and Local Solidarity: The Experience of Social Inclusion of Museum Audiences in Russia."

*The authors would like to thank all the experts for their help and valuable comments, as well as colleagues who took part in the discussion of earlier drafts of this article, especially Elena Iarskaia-Smirnova for her invaluable contribution to the study. The authors are also grateful to anonymous reviewers of the journal *Laboratorium* for their valuable comments and suggestions made during the preparation of the article for publication.*

In this article, on the example of museums we consider the problem of constructing a single explanatory framework for understanding disability and inclusion, germane in the context of the multiplicity of interpretations of what an ideal accessible museum is. To construct such an explanatory model, this study analyzes the experience and judgments of museum professionals and blind visitors with regard to disability and inclusion. The modern museum is a source of authoritative opinions and collective experiences. It represents a platform where specialists and other categories of visitors engage in dialogue. One of such categories are blind and visually impaired people who have unique demands on museum infrastructure compared to other categories of visitors. The analysis was based on the materials of 19 in-depth semistructured interviews with blind and visually impaired visitors and 11 interviews with specialists for inclusive museums, as well as 2 formalized observations at inclusive events in museums.

As the results of the study show, unique demands of blind visitors can transform the role of the museum as an agent of sociocultural inclusion. Curators and accessibility specialists hold certain ideal visions about the assembly of context of disabilities within institutions. These ideas are largely determined by the logic of the concept of post-museum as one of the key directions in the development of this sphere. They encounter the attitudes of blind and visually impaired people and collide with their agency and

their own understanding of the optimal models for assembling disability both within the museum and outside its walls. The core of the semantic field of disability in a museum with an accessible environment is the understanding that blind visitors today do not want to feel their “exclusion” and want to move along their own “path” in museum space shared by all visitors. The museum must take into account the unique needs of blind and visually impaired visitors, which leads experts to talk about the corresponding occurrence of processes opposite to inclusion and reinforces the discussion about the conceptual accessibility of museums for blind visitors.

Keywords: Museum; Diversity; Accessibility; Inclusion; Disability; Models of Understanding Disability; Blind Visitors; Sociocultural Adaptation

REFERENCES

- Abankina Tatyana V., Pavel V. Derkachev, Ludmila M. Filatova, and Irina V. Scherbakova. 2015. “Aspects of Increasing Accessibility of Russian Museums and Evaluation of Attendance.” HSE Working papers WP BRP 43/MAN/2015, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Afonin, Andrei, Iuliia Galaguzova, Vladislav Kolesnikov, Karina Chupina. 2019. *Organizatsiia inkluzivnoi sredy v uchrezhdeniakh kul'tury*. Yekaterinburg, Russia: Inkultur.
- Agapova, Dar'ia. 2020. “Muzei kak agent mnogoobrazii: Transformiruiushchie praktiki souchastiia i inkluzii.” Pp. 21–26 in *Migratsii: Priotkryvaia lichnoe. Sbornik muzeinykh praktik i rekomendatsii po rabote s temami migratsii, mobil'nosti i mnogoobrazii*, edited by Ol'ga Sinitsyna and Dinara Khalikova. Moscow: IKOM Rossii.
- Aleshin, Iaroslav, and Anna Il'chenko, eds. 2020. *Obshchee tseloe*. Moskva: V–A–C Press.
- Balash, Aleksandra. 2018. “Muzei kak drugoe prostranstvo kul'tury.” *Muzei-pamiatnik-nasledie* 1(3):12–22.
- Barnes, Colin. 1991. *Disabled People in Britain and Discrimination: A Case for Anti-discrimination Legislation*. London: Hurst Co.
- Cachia, Amanda. 2013. “‘Disabling’ the Museum: Curator as Infrastructural Activist.” *Journal of Visual Art Practice* 12(3):257–289. <https://doi.org/10.1080/14702029.2013.10820082>.
- Donina, Irina. 2014. “Muzei v sotsiokul'turnoi adaptatsii invalidov.” Dissertatsiia kandidata kul'turologii, SPbGUKI, Saint Petersburg, Russia.
- Foucault, Michel. 2006. “Drugie prostranstva.” Pp. 191–204 in *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu*. Moscow: Praksis.
- Hall, Melinda C. 2019. “Critical Disability Theory.” In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/disability-critical/>.
- Hayhoe, Simon. 2017. *Blind Visitor Experiences at Art Museums*. London: Rowman & Littlefield.
- Iarskaia-Smirnova, Elena. 1999. “Sotsial'noe konstruirovaniie invalidnosti.” *Sotsiologicheskie issledovaniia* 4:38–45.
- Iarskaia-Smirnova, Elena, and Nikita Bol'shakov. 2018. “Modeli ponimaniia invalidnosti.” Pp. 11–21 in *Muzei oshchushchenii: Slabovidishchie i nezriachie posetiteli*, edited by Mariia Sarycheva. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh.”
- Iarskaia-Smirnova, Elena, and Nikita Bol'shakov. 2020. “Formirovaniie inkluzivnoi kul'tury muzeia: Obzor russkoiazychnykh metodicheskikh posobii.” *The Garage Journal: Issledovaniia v oblasti iskusstva, muzeev i kul'tury* 1:317–330. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.018>.
- Kemp, Nigel J. 1981. “Social Psychological Aspects of Blindness: A Review.” *Current Psychological Reviews* 1(1):69–89. <https://doi.org/10.1007/BF02979255>.
- Kurlenkova, Aleksandra. 2018. “Invalidnost' kak effekt praktik: Popytka novoi kontseptualizatsii.” Pp. 24–42 in *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: Teoriia, reprezentatsii, praktiki*, edited by Aleksandra Kurlenkova and Elena Nosenko-Stein. Moscow: MBA.

- Liubimova, Marta. 2018. "Vospriiatie slabovidiashchimi i nezriachimi posetiteliami muzeinykh eksponatov." Pp. 50–57 in *Muzei oshchushchenii: Slabovidiashchie i nezriachie posetiteli*, edited by Mariia Sarycheva. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh."
- Luchkova, Lyudmila. 2020. "Pereosmysliaia rol' glukhogo v art-institutsii: Opyt Muzeia sovremennogo iskusstva 'Garazh.'" *The Garage Journal: Issledovaniia v oblasti iskusstva, muzeev i kul'tury* 1:148–161. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.010>.
- Nguen, Lin'. 2018. "Normativno-pravovye akty: Obzor deistvuiushchego rossiiskogo zakonodatel'stva v oblasti predostavleniia uslug liudiam s invalidnost'iu." Pp. 22–34 in *Muzei oshchushchenii: Slabovidiashchie i nezriachie posetiteli*, edited by Mariia Sarycheva. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh."
- Novotortseva, Galina. 2018. "Adaptatsiia ekspozitsii: Taktil'nye materialy i audiogidy." Pp. 58–70 in *Muzei oshchushchenii: Slabovidiashchie i nezriachie posetiteli*, edited by Mariia Sarycheva. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh."
- Oliver, Michael. 1996. *Understanding Disability: From Theory to Practice*. Basingstoke, UK: Macmillan.
- Oliver, Michael, and Colin Barnes. 1993. "Discrimination, Disability and Welfare: From Needs to Right." Pp. 267–277 in *Disabling Barriers, Enabling Environments*, edited by John Swain, Vic Finkelstein, Sally French, and Michael Oliver. London: Sage.
- Romanov, Pavel, and Elena Iarskaia-Smirnova. 2010. "Invalidy i obshchestvo: Dvadsat' let spustia." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 9:50–58.
- Shchekochikhina, Mariia. 2020. "Ponimanie i realizatsiia inkluzii v rossiiskikh muzeiakh." *The Garage Journal: Issledovaniia v oblasti iskusstva, muzeev i kul'tury* 1:98–123. <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008>.
- Shengeliia, Vera. 2019. "Inkluzivnyi muzei: 7 istorii. Interv'iu s vedushchimi ekspertami po dostupnoi srede." Politekhnicheskii muzei. <https://polytech.bm.digital/exhibition/816356958465974324/inklyuzivnyj-muzej-7-istorij>.
- Shliakhtina, Liudmila. 2017. "Sotsial'naia missiia sovremennogo muzeia." Pp. 3–9 in *Sovremennye tendentsii v razvitiu muzeev i muzeevedeniia: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Novosibirsk, 9–12 oktiabria 2017 g.)*, edited by Vladimir Lamin, Ol'ga Shelegina, and Galina Zaporozhchenko. Novosibirsk, Russia: Institut istorii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Simon, Nina. [2010] 2017. *Partitsipatornyi muzei*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Tarasenko, Elena. 2004. "Sotsial'naia politika v oblasti invalidnosti: Krosskul'turnyi analiz i poisk optimal'noi kontseptsii dlia Rossii." *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 1(2):7–28.
- Van'shin, Sergei, and Ol'ga Van'shina. 2013. *Sotsiokul'turnaia reabilitatsiia invalidov muzeinyimi sredstvami: Metodicheskoe posobie*. Moscow: GDM.
- Vaz, Roberto, Diamantino Freitas, and Antonio Coelho. 2020. "Blind and Visually Impaired Visitors' Experiences in Museums: Increasing Accessibility through Assistive Technologies." *International Journal of the Inclusive Museum* 13(2):57–80. <https://doi.org/10.18848/1835-2014/CGP/v13i02/57-80>.
- Woodham, Anna. 2009. "Museums Visiting and Social Inclusion: The Geography of School Visits to Museums." PhD dissertation, Museum Studies, University of Leicester.
- Zhvitiashvili, Nana. 2020. "(Mezh)kul'turnye kompetentsii v muzeinoi sfere: Priglasenie k professional'noi i personal'noi refleksii." Pp. 28–38 in *Migratsii: Priotkryvaia lichnoe. Sbornik muzeinykh praktik i rekomendatsii po rabote s temami migratsii, mobil'nosti i mnogoobraziia*, edited by Ol'ga Sinitsyna and Dinara Khalikova. Moscow: IKOM Rossii.